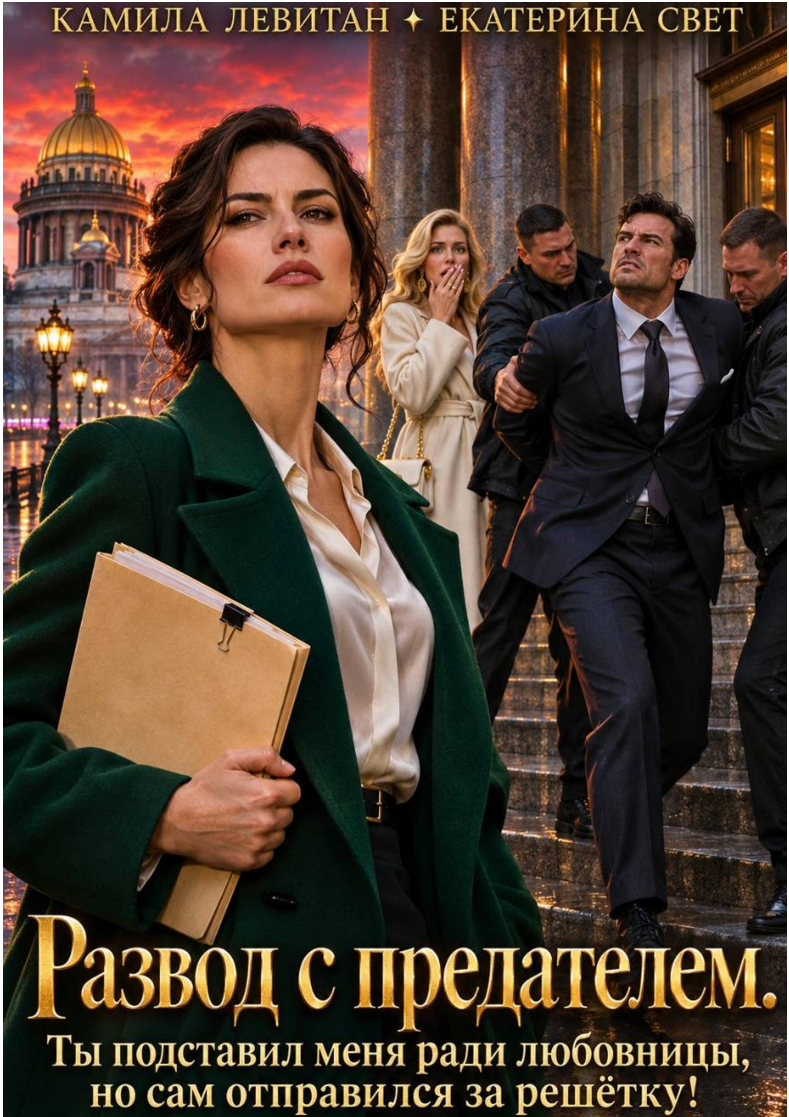

КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ЕКАТЕРИНА СВЕТ
Развод с предателем.
Ты подставил меня ради любовницы,
но сам отправился за решётку!

Екатерина Свет
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты подставил меня ради любовницы, но сам отправился за решётку!

https://litres.ru/74730724
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж попросил меня подписать несколько документов. Я верила ему пять лет и поставила подпись. Через несколько минут за мной пришли следователи.

Миллионы исчезли, доказательства указывали на меня, а любимый человек спокойно заявил, что я действовала одна.

Позже я узнала самое страшное: Марк давно делил постель и преступные деньги с другой женщиной.

Теперь мне грозит тюрьма, коллеги отвернулись, а собственный дом больше не принадлежит мне.

Но они просчитались.

Я умею находить ошибки в документах и хранить копии. И у меня появился опасный союзник, которому тоже нельзя доверять безоговорочно.

Я раскрою их тайны, верну своё имя и сама решу, кому отдать сердце.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 34
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Камила Левитан, Екатерина Свет Развод с предателем. Ты подставил меня ради любовницы, но сам отправился за решётку!

Глава 1

Воздух в офисе «ФинТраст» пах озоном от кулеров и остывшим кофе из картонных стаканчиков, которые я выбросила три часа назад. Двадцать два сорок пять. За окном Санкт-Петербург превращался в мокрую чернильницу: фонари расплывались в желтые пятна, а дождь барабанил по стеклу, заглушая гул пустого офиса. Я уже третий раз смотрела на часы. Главное — закончить сверку квартальных отчетов, закрыть ноутбук и уехать домой. Там ждал Марк. Горячий душ, его руки на талии, запах дорогого парфюма и тихое бормотание о том, как мы наконец-то выберемся из этой ипотеки. Думала об этом, пока сверяла цифры: ещё од-

на строка, и можно ехать. Даже плечи расслабились от мысли о горячей воде.

Я щелкнула мышкой, подтверждая последний пункт, когда дверь кабинета распахнулась без стука и ударилась ручкой о стену. Курсор остался над кнопкой сохранения.

Марк вошел, словно за ним гнались черти. Его костюм, обычно идеально отглаженный, висел складками. Галстук был ослаблен, воротник рубашки расстегнут до середины груди. Лицо белое, как больничная простыня, только глаза горели лихорадочным красным огнем. Он не поздоровался. Не спросил, как день. Просто швырнул на мой стол папку с актами аудита за прошлый квартал. Бумаги разлетелись, как белые голуби, испуганные выстрелом.

— Подпиши, — прошипел он. Голос дрожал, срываясь на фальцет. — Прямо сейчас. Здесь и здесь. И вот тут, в приложении.

Я подняла взгляд. Впервые за пять лет брака я увидела в нем не мужа, а зверя, загнанного в угол.

— Марк, что случилось? Ты бледный. Давай спокойно...

— Спокойно?! — он засмеялся коротко, истерично. Этот смех резанул по нервам. — Если ты не подпишешь эти «технические правки» прямо сейчас, нас обоих посадят. Не меня одного. Нас. Штрафы, исковые заявления, потеря лицензии. Твоя карьера юриста-аналитика, которую ты строила кирпичик за кирпичиком, рассыплется в пыль. А моя должность комплаенс-менеджера... она просто исчезнет. Мы останемся

ни с чем. В квартире, которую нам уже почти забрали за просрочку платежей.

Мой желудок скрутило холодным узлом. Ипотека. Наш общий долг, который висел над нами дамокловым мечом последние полгода. Я помнила его обещание: «Никогда не трогай архивы без моего ведома, Алиса. Там тонкие настройки». Но цифры в актах... Я видела их краем глаза. Расхождение в миллионы рублей. Это не были технические правки. Это была подделка.

— Я не могу подписывать вслепую, — сказала я твердо, хотя голос предательски дрогнул. — Дай мне перепроверить исходники на сервере. У меня есть доступ к...

— Нет времени! — рявкнул он, и эта ярость ударила меня по щекам. Он рванул ящик моего стола, где лежала моя личная флешка с резервными кодами доступа. Подцепил её двумя пальцами и запихнул себе в карман пиджака.

— Верни, — потребовала я, вскакивая со стула. Колени затряслись.

— Ты хочешь, чтобы нас уволили? Чтобы пришли люди из прокуратуры и вынесли весь офис? — Марк шагнул ближе. Он был выше меня, тяжелее, плотнее. От него пахло потом и дешевым табаком, которым он прятал страх. Он схватил меня за подбородок. Его пальцы были ледяными и влажными. Жест должен был быть нежным, утешительным, таким, каким он делал раньше, когда я плакала после сложных совещаний. Но сейчас это было похоже на захват. На фиксацию

объекта перед вскрытием.

— Подпиши, Алиса. Ради нас. Ради нашего будущего. Скажи, что ты согласна.

Он всё ещё держал меня за подбородок. Я хотела повторить: «Дай проверить». Но рот пересох, а перед глазами стояла наша квартира — та, из которой нас вот-вот выгонят.

— Хорошо, — прошептала я.

Он отпустил мое лицо. Я села обратно, взяла ручку. Палец дрожал так сильно, что линия получилась волнистой. Я поставила подпись там, где он указал толстым пальцем. Три раза. Каждый росчерк ощущался как гвоздь в крышку гроба моей спокойной жизни.

В этот момент в дверь постучали. Три коротких, уверенных удара.

Марк мгновенно изменился: опустил плечи, склонил голову и закрыл глаза. Дышал тяжело, нарочито слышно — теперь следователи должны были застать его в шоке. Он упал в соседнее кресло для посетителей, отвернувшись к окну.

— Молчи, — приказал он одними губами, не открывая глаз. — Сиди тихо. Я скажу, что ты была в ступоре. Что ничего не знала.

Дверь открылась. Не охрана. Следственная группа. Трое мужчин в темных костюмах, один с планшетом, двое с бейджами СК. Их лица были каменными масками профессионального равнодушия.

— Алиса Волкова? — спросил старший. Голос ровный,

скучный.

— Да, — ответила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Ноги стали ватными, чужими.

— Нам нужно предъявить оригиналы документов по делу о хищении средств клиентов фонда «Северный ветер», — сказал он, игнорируя Марка, который сидел с закрытыми глазами, изображая жертву обстоятельств. — По имеющейся информации, они были уничтожены злоумышленником. Кто имел полный административный доступ к архивам в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое число?

Я открыла рот, чтобы сказать правду. Чтобы крикнуть, что это подлог, что Марк...

Но Марк вдруг резко выпрямился. Его маска слетела. Он посмотрел на следователя, затем перевел взгляд на меня. В его глазах не было страха. Была облегченная пустота человека, который сбросил балласт.

— Она, — сказал Марк четко, без запинки. — Алиса имела полный доступ. Она действовала самостоятельно. Я предупреждал ее, что манипуляции с аудиторскими базами незаконны, но она... она хотела скрыть свои ошибки предыдущего периода. Я узнал об этом только сегодня.

Я смотрела на него, не в силах вставить слово. Только что он задыхался, требовал, умолял — и вот говорит спокойно. Заранее приготовленная речь. Он ждал этого момента. Он использовал мою любовь, мою верность, мои страхи перед ипотекой как топливо для своего спасения. Меня продали за

цену его спокойствия.

— Это ложь! — выкрикнула я, вскакивая. Стул отъехал назад с грохотом. — Он заставил меня подписать! Он...

— Сядьте, гражданка Волкова, — жестко оборвал следователь. Один из оперативников уже держал наручники. Холодный металл звякнул, отражая свет ламп дневного освещения.

— Ваши действия квалифицируются как сокрытие доказательств и участие в мошенничестве в особо крупном размере. Пройдемте.

Они взяли меня под руки. Мягко, но железно. Мы шли по коридору. Через прозрачные стены стеклянного бункера нашего отдела я видела коллег. Лена из бухгалтерии отвернулась к монитору, сделав вид, что очень увлечена таблицей. Игорь, мой давний друг и коллега, замер с кружкой в руке, но его глаза скользнули мимо меня, как будто я была пустым местом, грязным пятном на полу. Никто не вышел. Никто не спросил. Страх заразен, и они боялись заболеть вместе со мной.

Марк шел позади. Ближе к концу коридора он поравнялся со мной. Охранник чуть ослабил хватку, позволяя мужу подойти.

Марк протянул руку и поправил воротник моей блузки. Тот самый жест. Нежность. Любовь. Привычка пяти лет совместной жизни.

— Не делай глупостей, Алиса, — шепнул он мне в ухо. Его

дыхание пахло мятной конфетой, которую он сосал, чтобы успокоиться. — Я буду рядом. Я найму лучших адвокатов. Мы решим это. Просто молчи. Признай вину частично, если надо. Сохрани семью.

Это была ложь. Самая красивая, самая циничная ложь, которую я слышала. Он не хотел спасти семью. Он хотел сохранить свою свободу. И он знал, что я поверю ему, потому что я всегда верила.

Мы доехали до служебного лифта. Папарацци и коллеги не должны были видеть арест сотрудника среднего звена. Слишком много шума для репутации компании. Двери лифта начали медленно сходиться. Свет внутри был тусклым, больничным.

Когда щель между дверями сузилась до размеров ладони, рука Марка просунулась внутрь, останавливая механизм. Щелчок датчика движения. Двери снова разъехались.

Он сунул мне свой телефон. Экран светился в полумраке кабины.

— Напиши Вере, — приказал он. — Скажи, что ты уехала в командировку в Москву. Срочно. Не позорь семью перед ее отцом.

Я посмотрела на экран. Открыта переписка с контактом «Вера Петрова (жена Марка)». Последнее сообщение, отправленное две минуты назад:

«Готово? Она чистая?»

Ответ Марка, который он только что набрал, пока я стояла

в шоке:

Красное сердце. Смайлик.

И тут же ниже, в строке ввода я увидела фрагмент сообщения, которое он готовил отправить Вере сразу после того, как заберет телефон:

«Все чисто. Она подписалась под всем. Улика в сумке. Можешь переводить активы на Кипр.»

Вера. Его «жена» — так он записал её в телефоне, пока я носила его кольцо. Та самая Вера, которая никогда не работала, но всегда ездила на курорты. Та, которую я считала глупой куклой, живущей за счет Марка.

Они были сообщниками. Все время. Они использовали меня. Вера спрашивала, всё ли готово, пока я ставила подписи. Марк отвечал ей сердечком, пока меня держали под руки. Я перечитала черновик сообщения, стараясь запомнить каждую букву: «Улика в сумке». В моей сумке.

Глава 2

Двери лифта сомкнулись окончательно. Марк остался снаружи. Его лицо исчезло за зеркальной поверхностью, отражая только мое собственное искаженное отражение.

Свет в кабине мигнул, заливая пространство стробоскопическими белыми вспышками. Я увидела себя. Размазанная тушь, сползшая на скулы. Растекшиеся тени. Губы, сжатые в тонкую линию крови. Глаза, в которых не осталось света, только черный провал.

Человек, которого я любила пять минут назад, только что подписал мне приговор. Даже не повысив голоса. Даже не моргнув.

Лифт дернулся вниз. Тяжесть в животе стала невыносимой. Я коснулась своей сумки, лежащей на полу кабины. Внутри, среди блокнотов и зарядок, нащупала корпус флешки. Марк вырвал её из ящика; я видела, как он спрятал её в пиджак. Значит, успел вернуть мне в сумку, пока следователи отвлеклись на него. Он думал, что улика останется у меня. Он думал, что я стану вещественным доказательством.

Но он забыл одну вещь. Я — юрист-аналитик. Я педант. Я делаю копии всего. Всегда.

На моей личной флешке были черновики аудита. Исходные документы я скопировала на облачный сервер за минуту до его входа в кабинет — обычная резервная копия пе-

ред закрытием квартала. Тогда я ещё не знала, что искать. Теперь знала: расхождения, его доступ к архиву, переводы, о которых он запретил спрашивать.

У них есть мои подписи на поддельных актах. Но подпись не объясняет, кто менял цифры до неё. С этим им ещё придётся разобраться.

А у меня есть правда. Горькая, липкая, опасная правда.

Лифт остановился. Двери открылись в холодный вестибюль. Два конвоира взяли меня под руки.

Я пошла с ними. На губах появилась улыбка; один из конвоиров покосился на меня.

Марк мог сколько угодно рассказывать про мои ошибки. Я помнила, что было в исходниках. Теперь надо было сохранить в памяти и этот вечер: три подписи, его спокойный голос, красное сердечко на экране.

Мы вышли на улицу. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с солью слез. Я вдохнула полной грудью воздух свободы, который скоро станет воздухом камеры.

У машины я задержалась на секунду, обернувшись к светлым окнам нашего отдела. Марк наверняка уже писал Вере. Красное сердечко, перевод активов, новая жизнь без меня.

Пусть пишет. Я вспомню и время, и счета. Только бы добраться до своих копий.

Пятница. Два часа дня. Санкт-Петербург встречает меня ледяной крошкой, которая бьёт в лицо, словно мелкие осколки разбитого зеркала. Я стою у стеклянных дверей «Фин-

Траст». Мои руки дрожат не от холода, а от того, что внутри куртки спрятано постановление о запрете определённых действий. Бумажка с печатью суда, дающая мне право забрать личные вещи. Всего тридцать минут на всё.

Охранник, Паша, которого я знала четыре года и который всегда подмигивал мне в лифте, смотрит сквозь меня. Его глаза пустые, как аквариум без воды.

— Приказ сверху, Алиса Викторовна. Ни ногой внутрь.

— Мне нужна только куртка и ноутбук, — голос срывается, превращаясь в скрип. — Там мои лекарства. И документы для следствия.

Паша переминается с ноги на ногу. За его спиной в холле уже собирается толпа. Коллеги. Люди, с которыми мы вместе пили кофе по утрам, обсуждали новые законы и смеялись над ошибками стажёров. Теперь они стоят полукругом, как зрители в театре. Я ищу знакомые лица и на миг встречаюсь с кем-то взглядом. Человек тут же смотрит на Пашу. Из-за стекла всё видно, но выходить никто не спешит.

Двери распахиваются изнутри. Марк. Идеальный костюм, галстук завязан узлом «Виндзор», на стекле часов вспыхивает отражение лампы над входом. Он выходит не к охране, а прямо ко мне. Шаг за шагом, сокращая дистанцию до интимной, до тошнотворной.

— Ты пришла позорить компанию? — спрашивает он тихо, но так, чтобы слышал каждый в этом стеклянном бункере.

Я пытаюсь сделать шаг назад, но спотыкаюсь о собственные ноги.

— Я пришла забрать своё, Марк. Ты это украл. Все эти бумаги... это ловушка.

Его губы растягиваются в улыбке, от которой мурашки бегут по позвоночнику. Это не человеческая улыбка. Это оскал хищника, загнавшего добычу в угол.

— Ловушка? — он наклоняется ближе, заставляя меня задержать дыхание. — Ты подписала акты аудита. Своим именем. Своими руками. Ты была жадной, Алиса. Решила, что сможешь играть по нашим правилам. Но ты всего лишь расходный материал.

Он протягивает руку. Не к сумке. К моему бейджу на шее. Пластик хрустит под его пальцами, ломается пополам. Обломок падает на мраморный пол со звонким щелчком. Звук конца моей жизни.

— Убирайся, — командует он, выпрямляясь и поправляя манжету рубашки. — И если увидишь здесь журналистов, я позабочусь, чтобы твоя «защита» оказалась хуже тюрьмы.

Меня теснит к ступеням. Охрана блокирует проход, пока я отхожу, чувствуя, как горло перехватывает ком рыданий. Но я не плачу. Слезы высохли ещё в служебной машине, когда меня везли в изолятор. Теперь внутри пусто. Холодно.

Следовательский кабинет пахнет дешевым дезодорантом и пылью. Мой адвокат по назначению, мужчина с землистым лицом и глазами уставшей собаки, листает материалы дела.

— Подпишите явку с повинной, Алиса, — говорит он монотонно. — Статья 159 часть 4. Тяжелая. Если признаете вину, раскаетесь, вернете активы... срок будет условным. Или мягкий режим. Система хочет закрыть дело быстро. Помогите ей.

— Вернуть активы? — переспрашиваю я. — Их нет. Они были переведены через офшоры до того, как я вообще узнала о схеме. Вы же юрист. Вы видите дыры в обвинении. Протокол допроса Марка датирован числом, когда он был в командировке в Дубае. Почерк подписи отличается.

Адвокат вздыхает, снимает очки, протирает их платком. Жест, полный презрения к моим попыткам найти правду в лжи.

— Суд не любит таких умных. Вы рискуете получить реальный срок. Ваши ограничения могут заменить домашним арестом или СИЗО. Подпишите.

Я беру ручку. Она тяжелая, пластиковая, липкая от чужих потных рук. Смотрю на бумагу. На строчку «Признаю свою вину полностью».

Нет. Если я подпишу, я стану частью их машины. Я стану той самой уликой, которую Марк использует, чтобы оправдать себя перед судом и перед Верой.

Ставлю ручку обратно.

— Нет. Я буду ждать суда. Со своими доказательствами.

Адвокат смотрит на меня так, будто видит призрака. Или самоубийцу.

— Тогда удачи вам, Алиса Викторовна. Она вам понадобится.

Выход из здания следственного отдела заканчивается звонком в телефоне. Банковское уведомление. Красная строка: «Ипотека просрочена. Начислены пени». Я открываю приложение банка. Карта заблокирована. А в разделе «Общие обязательства» висит сумма долга, которая превышает мою годовую зарплату в десять раз.

Марк. Он вписал меня созаёмщиком в кредитный договор месяц назад, когда я подписывала «технические документы» на продление ипотеки. Он знал. Он готовил это. Я несла его долги на своих плечах, думая, что это наша общая жизнь. А теперь это моя личная катастрофа. Квартира в центре Петербурга, которую мы покупали в мечтах о будущем, стала призраком, который тянет меня на дно.

Такси до дома стоит дорого. Я считаю каждую копейку. В кармане осталось двести рублей. На нормальную жизнь не хватит. На ещё один день — должно.

Ключ входит в замочную скважину, но дверь не открывается. Заперта изнутри. Странно. Я стучу. Тишина. Потом звук шагов. Мягких, уверенных. Не Марка. Марк ходит тяжело, каблуками, как солдат. Эти шаги — женские. Туфли на шпильке.

Дверь открывается. Передо мной стоит Вера.

Его «жена» из телефонной переписки. Та самая женщина, о существовании которой я знала абстрактно, как знают

о наличии соседней страны на карте. Высокая, худая, в дорогом кашемировом пальто цвета мокрого асфальта. Её лицо — маска спокойствия. Глаза равнодушные, как у хирурга перед операцией.

— Алиса? — она даже не удивляется. Просто констатирует факт.

— Что ты делаешь в моей квартире? — мой голос звучит жалко. Хрипло.

Вера отходит в сторону, позволяя мне увидеть гостиную. Коробки. Десятки коробок. Из картона, из пластика. Вещи сложены аккуратно. Моя одежда, книги, посуда. Всё упаковано. Как багаж перед длительным рейсом.

— Это не твоя квартира, дорогая, — произносит она ровно, доставая из сумочки планшет. Экран светится ярким холодным светом. — Вот дарственная. Оформлена три месяца назад. Марк подарил её мне. Юридически чисто. Нотариус заверил. Суд подтвердит.

— Три месяца? Мы же жили здесь! Он говорил, что мы покупаем вторую квартиру!

— Марк умеет говорить красиво, — Вера усмехается. Это смешно, но не весело. — Он сказал, что ты сама согласилась уйти. Что тебе стыдно смотреть людям в глаза. Не позорься, Алиса. Забирай свои коробки и иди. Охрана внизу уже предупреждена, что тебя пускают только для выноса вещей. Пять минут. Таймер запущен.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Не метафориче-

ски. Физически. Голова кружится от запаха чужих духов Веры — тяжелых, сладких, удушающих. Она не просто любовница. Она соучастница. Она знала. Она ждала этого момента. Пока я копала документы, пока верила в нашу любовь, они делили мои активы.

— Ты... ты всё знала?

— Я знаю цену вещам, — отвечает Вера, возвращая планшет в сумочку. — А ты не знала цены людей. Иди.

Дверь захлопывается перед моим носом. Щелчок замка звучит как выстрел.

Глава 3

Ночь в хостеле на Васильевском острове. Комната на четверых. Запах сырости, дешевой синтетической ткани и чужого пота. Свет мигает. Одна лампочка перегорела, вторая мерцает, создавая стробоскопический эффект. Тени скачут по стенам, как демоны.

Подруга отказала. «Алиса, прости, муж против. У нас дети, мы не можем рисковать...» Её голос дрожал, но не от сострадания, а от страха. Страх быть причастной к мошеннице. К преступнице. Она отправила мне денежный перевод, который можно получить наличными, и тут же попросила никому об этом не говорить. Социальный капитал обнулился быстрее, чем банковский счет.

Я сижу на жесткой койке, слушая храп соседей. В голове гул. Пустота. И ярость. Ледяная, кристаллическая ярость. Она заменяет страх. Она греет лучше любого одеяла.

Лезу во внутренний карман куртки — той, за которой приходила в офис. Свою тонкую ветровку я тогда убрала в сумку: Паша всё-таки вынес куртку к дверям, когда я уходила, — молча, не глядя на меня. Я так и не поблагодарила его. Он вынес куртку — и сразу вернулся за стекло. Даже сейчас я не понимала, чего в нём оказалось больше: жалости ко мне или страха перед Марком.

Пальцы находят твердый прямоугольник. USB-накопи-

тель. Маленький, серебристый, холодный металл.

После ареста я переложила её из сумки сюда. Теперь холодный корпус под пальцами возвращает ту минуту в лифте: сердце опять делает кульбит.

На этой флешке — черновики аудита. Те самые, которые Марк приказал уничтожить сразу после совещания. Те, где видны цепочки транзакций, ведущие на счета компании — и на личные аккаунты. В том числе Веры.

Это не доказательство вины напрямую. Это ниточка. Тонкая, прочная, как леска для рыбалки.

Утро приходит серое, грязное. Дождь смывает с города остатки ночи. Я выхожу из хостела, натягивая капюшон. Голова болит от недосыпа, желудок сводит от голода. Но я жива.

На улице останавливается черный седан. Мерседес. Стекло опускается с шелестом электричества.

Марк.

Он не смотрит на меня с ненавистью. Он смотрит с любопытством исследователя, изучающего новый вид жука.

— Хорошо выглядишь для человека без дома и работы, — говорит он. Голос ровный, бархатный.

— Чего ты хочешь?

— Предупредить. — Он наклоняется чуть сильнее. Пахнет дорогим табаком и опасностью. — Если ты начнешь копать, Алиса, я сделаю так, что ты будешь молчать навсегда. И никто не заметит исчезновения. Ни полиция, ни суд, ни

любой детектив, которого ты найдёшь.

Я жду, что он хотя бы моргнёт, усмехнётся, выдаст угрозу за злую шутку. Марк смотрит на меня и ждёт ответа. Он всерьёз.

Машина трогается, оставляя меня стоять на мокром асфальте, среди брызг грязи и выхлопных газов.

Я смотрю на удаляющиеся задние фонари. В кармане пальцы сжимаются вокруг холодной металлической флешки. Металл впивается в кожу, причиняя боль. Острый край давит на пальцы. Я ослабляю хватку, боясь уронить носитель.

Марк думает, что запугал меня. Что я сломленная жертва, готовая принять любой удар.

Но серебристый корпус всё ещё у меня в кармане. Марк приказал уничтожить черновики — и только что угрожал женщине, у которой они остались. Я могу подтвердить его махинации, если доберусь до файлов.

До следующего рассвета я найду того, кто сможет использовать эти данные. Я переживу эту неделю. А потом наступит очередь Марка кусать локти.

Кафельный пол суда был холодным, как дно морское, и этот холод пробирался сквозь подошвы моих туфель прямо к костям. Я стояла у стены, сжимая сквозь ткань куртки флешку в подкладке так сильно, что край пластика вдавливался в ладонь, оставляя белую полоску на коже. Воздух здесь пах старыми бумагами, пылью и чьим-то отчаянным ожиданием. Для системы я была не человеком, а номером дела, строчкой

в реестре, которую нужно просто закрыть, чтобы освободить место для более «важных» игроков.

Секретарь судебного заседания даже не подняла глаз от монитора, когда я попыталась объяснить свою ситуацию.

— Ходатайство об изменении меры пресечения? — её голос звучал скучно, будто она читала меню в кафе. — Алиса Волкова, ваше дело передано судье Иванову. Он сейчас на совещании. Ждите. Следующее заседание через месяц.

— Месяц? — мой голос сорвался, превратившись в шепот. — Но мне нужны документы для защиты! Мне нужен доступ к материалам дела! Это формальность, вы же видите...

— Гражданка, я вам уже объяснила, — бросила она, наконец поднимая глаза. В них не было ни злобы, ни сочувствия. Только пустота бюрократической машины, которая перемалывает таких, как я, без остатка. — Садитесь или выходите. Не мешайте работать.

Я сделала шаг назад, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел унижения. Я юрист. Я знала эти буквы лучше, чем свои собственные мысли. Но здесь мои знания стоили меньше, чем гудок в телефоне секретарши.

В этот момент из кабинета адвоката Марка вышла группа людей. И в центре их был он. Марк. Идеальный костюм, идеально уложенные волосы, запах дорогого одеколона, который пробивался сквозь затхлый воздух коридора, вызывая тошноту. Он заметил меня сразу. Его губы растянулись в той

самой улыбке, которую я когда-то считала добродушной, а теперь видела в ней оскал хищника, играющего с мышью.

Он подошел ближе, игнорируя охранников, и наклонился, понизив голос до интимного шепота, который слышали все окружающие:

— Надеюсь, ты наконец поняла, где твое место, Алиса? Не лезь туда, куда тебя не звали. Ты всегда была слишком любопытной для своей должности. А теперь ты слишком опасна для своего статуса.

От его слов перехватило дыхание. Публичное унижение было сладким для него ядом. Он хотел, чтобы я заплакала, сломалась, стала той самой жертвой, которую легко списать со счетов. Я опустила глаза, глядя на свои руки, дрожащие от напряжения. Внутри закипала не обида, а холодная, черная ярость. Я запоминала каждую деталь: блеск его запонки, морщинку у левого глаза, звук его дыхания. Когда-нибудь он будет объяснять эти слова перед теми же людьми. Я заставлю их услышать.

Марк развернулся и ушел. Одеколон ещё чувствовался рядом со мной. Я расправила край листа, который смяла во время разговора, и долго не могла вспомнить, о чём собиралась спросить секретаря.

Именно тогда ко мне подошел пристав. Большой, красный от натуги мужчина в форме, который смотрел на меня как на потенциальную угрозу.

— Телефон и сумку на досмотр, — потребовал он грубо.

— Правила входа в зал заседаний.

— Слушание отложено, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Зачем мне сдавать вещи?

— Потому что я так сказал! — рыкнул он, хватая мою сумку.

Сердце заколотилось где-то в горле. Флешка была в подкладке моей куртки, которую я держала в руках. Если он залезет внутрь... Все кончено. Не свобода, не месть. Просто конец.

Я напряглась, готовясь кричать, готовясь ударить, но тело предало страхом. Руки стали ватными. Пристав сунул пальцы в карман куртки, сминая ткань. Я видела, как его большой палец скользит по шву подкладки. Секунды тянулись, как резина. Любой конфликт здесь означал бы немедленный арест, изолятор, потерю шансов. Я должна была молчать. Должна была быть удобной.

— Чисто, — буркнул пристав, возвращая мне куртку с презрительным фырканьем. Он не нашел ничего. Или сделал вид, что не нашел. В этот момент я впервые почувствовала, насколько хрупка моя защита даже внутри этих стен. Каждый взгляд мог стать последним, каждое прикосновение — концом игры.

Глава 4

Я отошла к дальней стене, пытаясь успокоить дыхание. Именно тогда кто-то положил руку мне на плечо. Тяжелую, уверенную, не дающую вздрогнуть.

Я резко обернулась. Передо мной стоял мужчина в сером пальто. Высокий, с короткой стрижкой и глазами цвета мокрого асфальта. Он не выглядел как адвокат или чиновник. От него веяло тем самым запахом опасности, который я научилась распознавать после ареста. Запахом человека, живущего вне правил.

Он не представился. Просто склонился к моему уху, и его голос, низкий и бархатистый, прошел сквозь шум в голове:

— Твой адвокат куплен. Если хочешь жить, иди за мной. Сейчас.

Мой мозг отказывался обрабатывать информацию. Кто этот человек? Провокатор? Человек Веры? Часть схемы Марка, решившего добить меня физически, раз юридически они уже почти победили?

— Кто вы? — спросила я, делая шаг назад.

— Тот, кто знает, что оригиналы документов у вас на флешке. И тот, кто знает, что их ищут. Быстро.

Он указал подбородком на пожарную лестницу в конце коридора, скрытую за дверью с табличкой «Только для персонала». Камеры наблюдения там не было. Я знала плани-

ровку этого здания лучше, чем думали эти люди.

Инстинкт самосохранения орал: «Беги! Прячься! Никому не верь!» Но другой голос, тихий и холодный, говорил: «Остаться здесь — значит подписать себе приговор. Марк уже уехал, но его люди остались. Они стирают следы. Тебя сотрут вместе с ними».

Я посмотрела на пустой коридор, где только что стоял бывший муж, и на незнакомца в сером пальто. Между ними не было выбора. Был только путь в неизвестность.

Я сделала шаг навстречу ему. Шаг в ловушку или в свободу? Я не знала. Но я шла.

Мы вышли на лестничную площадку. Свет здесь мигал, лампочка над головой была покрыта паутиной. Пахло сыростью, ржавчиной и старым бетоном. Тишина была оглушающей, нарушаемой только эхом наших шагов по металлическим ступеням.

Незнакомец остановился на середине пролета между этажами и повернулся ко мне. Его лицо оставалось непроницаемым, но глаза внимательно изучали меня, словно сканировали на наличие оружия или слабости.

— Почему я должна вам верить? — спросила я, чувствуя, как холодный сквозняк проникает под куртку. — Вы можете быть частью этой системы. Вы можете сдать меня Марку.

— Я не твой спаситель, Алиса, — сказал он спокойно. Он достал телефон, включил экран и повернул его ко мне. На дисплее были снимки документов. Тех самых, которые

я скопировала на флешку. — Эти данные уже просочились в даркнет. Кто-то выложил частичную копию. Возможно, ошибка твоего бывшего мужа. Возможно, чья-то подстава. Но факт в том, что за ними охотятся. Не полиция. Те, кто может позволить себе купить свидетеля. Или убрать его.

Я смотрела на свои документы, ставшие цифровыми призраками, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Они нашли их. Система работала против меня быстрее, чем я думала.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Оригиналы. Полная версия. С метаданными, которые докажут, что акты аудита поддельны, а ваша подпись поставлена уже под изменёнными цифрами. У вас есть ключи от замка, который они пытались вскрыть силой.

— И что вы предложите взамен? Денег у меня нет. Свободы тоже.

Незнакомец убрал телефон в карман.

— Я предлагаю сделку. Вы даете мне данные. Я обеспечиваю вашу безопасность и процессуальную победу. Мы продадим эту историю дороже, чем они стоят сейчас. Но сначала мы должны пережить эту ночь.

Его слова звучали как приговор и как надежда одновременно. Властный тон не допускал возражений, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Он видел во мне не жертву, а ресурс. Ресурс, который можно использовать, но

который нужно беречь, пока он не исчерпан.

— Я не могу просто отдать вам всё, — сказала я, делая еще один шаг назад, к перилам. — Как я узнаю, что вы не сдадите меня первому встречному? Как я узнаю, что вы не работаете на Веру?

— Вы не узнаете, — ответил он сухо. — Доверие — это роскошь, которой у вас больше нет. Но у вас есть выбор.

Он медленно протянул руку. Не к моему лицу, не к куртке. Просто открыл ладонь.

— Если я хотел забрать флешку силой, я бы сломал тебе запястье три минуты назад, в коридоре, когда пристав отвернулся. Но я хочу, чтобы ты сама решила, кому отдать ключи от своей жизни. Это разница между манипуляцией Марка и честной игрой. Выбирай.

Я смотрела на его руку. Крупную, с мозолями на пальцах. На этих пальцах я задержалась взглядом: такой хватки хватило бы, чтобы отнять у меня всё. Он ждал.

Марк всегда создавал иллюзию выбора. «Подпиши, иначе потеряешь квартиру». «Умолчи, иначе потеряешь работу». Ложные альтернативы, ведущие в одну точку — в ад.

Незнакомец предлагал настоящий выбор. Опасный, страшный, но реальный.

Я закрыла глаза на секунду, представляя лицо Марка, его циничную улыбку. Затем вспомнила холод кафельного пола и пустые глаза секретарши.

Когда я открыла глаза, незнакомец уже доставал из внут-

реннего кармана визитку. Черную, матовую, с золотым тиснением имени и номера телефона. Илья Морозов. Теперь у незнакомца было имя. Он написал ручкой на обороте адрес и время.

— Здесь будет безопасно. Только если придете одна. Если приведете кого-то из своих бывших коллег или защитников — исчезну навсегда. И вы останетесь одни против всей системы.

Он сунул визитку мне в карман куртки, рядом с потайным швом, за которым лежала флешка. Его пальцы на мгновение коснулись ткани, и я почувствовала тепло его кожи, контрастирующее с моим внутренним льдом.

— Решайте быстро. Их люди уже спускаются.

Илья развернулся и пошел вверх по лестнице, растворяясь в тени. Я осталась одна. Сердце колотилось так, что отдавало в висках.

Через минуту снизу послышались тяжелые шаги и голоса. Охранники службы безопасности. Они шли искать меня. Или того, кто мог знать, где я.

Я сжала визитку в кулаке, чувствуя острые края бумаги. На визитке были адрес и время. Я снова прочла их: впервые с ареста у меня было куда идти, кроме кабинета следователя. От этого кружилась голова почти так же, как от страха.

Если я сдамся сейчас, меня «испарят» юридически. Никакого суда, никакого оправдания. Просто статистика.

Но если я пойду к нему... Я стану частью их войны. Войны

теней, где закон работает только для тех, кто сильнее.

Я побежала вниз, минуя охранников, которые уже свернули на верхний этаж, и выбежала во внутренний двор суда. Машина Ильи стояла там, черный внедорожник с тонированными стеклами.

Я открыла заднюю дверь и села внутрь. Кожаное сиденье было холодным.

Илья сидел за рулем. Он не обернулся, только посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Его глаза были темными и внимательными, как у ночного зверя.

— Умная девочка, — произнес он тихо. В его голосе не было одобрения, скорее констатация факта. — Мы начинаем охоту.

Машина тронулась, мягко набирая скорость. Я посмотрела в боковое зеркало и увидела, как из здания суда выбегает охранник с телефоном у уха. Он указывал пальцем именно на наш автомобиль, крича что-то в трубку.

Илья не ускорялся. Он ехал ровно, соблюдая правила, как обычный водитель. Но напряжение в салоне росло, становясь осязаемым, плотным, как туман.

Мы въехали в тоннель. За стеклом тянулись бетонные стены, лампы над дорогой скользили по лицу Ильи. Я ловила его взгляд в зеркале. Мы вместе уходили от людей Марка, а флешку я по-прежнему держала при себе. Если нас остановят, объяснять придётся обоим. И этот мужчина, который только что подарил мне шанс, возможно, самый опасный че-

ловек в моей жизни.

Но впервые после ареста я чувствовала, что дышу.

Глава 5

За стеклом «Кофе-Бар» дождь стучит так сильно, что я то и дело прислушиваюсь к двери. Тяжелые, ледяные струи хлещут по окну, размывая огни Невского до грязных разводов. Я сижу у окна, обхватив чашку с остывшим эспрессо обеими руками. Пальцы побелели от холода и страха. Внутри меня всё сжалось в тугой ком: я здесь ради надежды, но чувствую себя как мышь, загнанная в угол котом, который только притворяется сытым.

Илья сидит напротив. Он не пьет кофе. Перед ним почти пустой стакан, на дне которого плещется янтарная жидкость. Виски. Его взгляд тяжелый, цепкий, он сканирует меня, как банкноту под ультрафиолетовой лампой, ища подделки.

— Ты опоздала на три минуты, Алиса, — его голос низкий, бархатный, но без капли тепла. — Время в этом деле дороже денег. А у тебя нет ни того, ни другого.

Я сглатываю сухой комок горечи.

— У меня есть то, что тебе нужно. Оригинал акта аудита. Тот самый, который Марк уничтожил.

Илья усмехается. Коротко, сухо.

— Докажи.

Мои руки дрожат, когда я вытаскиваю телефон. Экран светится тускло, отражаясь в его зрачках. Я открываю галерею и показываю снимок первой страницы документа. Шап-

ка компании, подпись Марка, дата. Красное пятно печати выглядит как рана.

Илья даже не наклоняется ближе. Он смотрит на экран, затем переводит глаза на меня. В них нет интереса, только расчетливая скука.

— Скучно. Любой студент может найти старый бланк в интернете. Мне нужны данные. Глубина. Что там было? Сколько денег утекло? Куда?

Его холод обжигает сильнее, чем дождь за окном. Он даже не спросил, где я ночевала. Ему нужны суммы и счета. Я убираю телефон поближе к себе: пусть сначала скажет, чем готов заплатить за данные.

В этот момент мой телефон вибрирует. На экране высвечивается номер, который я сохранила вчера после звонка из суда. Неизвестный, но я знаю, кто это. Вера. Его любовница, присвоившая себе даже моё место жены. Та самая женщина, которая забрала нашу квартиру через фиктивную сделку и теперь наслаждается моим унижением.

Сердце пропускает удар. Я беру трубку, но не отвечаю. Голос Веры звучит тихо, почти ласково, но каждое слово — как игла под ноготь:

— Алисочка... Мы знаем, где ты. Полиция уже выезжает к этому кафе. Тебя найдут быстро. И тогда флешка станет твоим приговором, а не спасением. Беги, пока можешь. Или сдавайся. Выбор за тобой.

Связь обрывается. Занято.

Я резко кладу телефон на стол, пытаясь сохранить лицо. Но тело предательски выдает меня: плечи сжимаются, дыхание сбивается. Страх липкой пленкой покрывает кожу. Они знают. Они всегда знают.

Илья замечает перемену. Его брови ползут вверх. Он перестает торговаться. Теперь в его глазах появляется хищный блеск. Он косится на дверь, затем на мой телефон. После этого звонка торг уже выглядит иначе: если меня заберут, до файлов он не доберётся.

— Кто звонил? — вопрос звучит как приказ.

— Не твое дело, — шепчу я, отводя взгляд.

Илья наклоняется вперед. Локти на столе, пальцы сцеплены в замок.

— Если ты хочешь жить, Алиса, тебе лучше начать говорить. Сейчас. Или я встаю и ухожу. А через час тебя заберут по новому ордеру. Я могу его предотвратить. Но стану ли я это делать? Вот в чем вопрос.

Он смотрит на меня, ожидая ответа, и я невольно проверяю, на месте ли флешка. Уйти ему легко. Мне — некуда.

— Отдай мне флешку, — говорит он. — Прямо сейчас. Физически. В мои руки.

Я отказываюсь. Инстинкт самосохранения кричит: «Нет!» Это единственный козырь, который у меня остался. Если я отдам его, я стану пешкой, которую бросят, как только она выполнит свою функцию.

— Нет, — мой голос тверже, чем я думала. — Мы обме-

ниваемся. Ты обеспечиваешь юридическую защиту и добиваешься отмены ограничений. Я даю доступ к файлам под твоим контролем. Без передачи носителя.

Илья смеется. Тихий, безрадостный смех, от которого мурашки бегут по спине.

— В моем мире «доступ» означает полную копию, Алиса. А не возможность посмотреть через щелочку. Ты пытаешься играть в умную девочку, но ты забыла правила этой игры.

Он достает телефон и запускает таймер. Цифры начинают отсчет: 5:00... 4:59...

Время давит физически. Воздух в кафе становится густым, кислым. Я слышу собственное сердцебиение, гул холодильника за стойкой, шорох мокрой обуви посетителей. Каждую секунду тишины я использую, чтобы придумать план. Нужно сказать что-то, что заставит его остановить этот проклятый отсчёт.

— Файлы зашифрованы, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Ключ я запомнила. Он сложный, комбинация дат и цифр. Без меня ты никогда не расшифруешь архив. Даже если украдешь флешку.

Илья не моргает. Он спокойно называет алгоритм шифрования, который использовал Марк в своих личных папках, и тип хранилища данных. Он знает больше, чем я. Больше, чем сама жертва.

Холодеет спина. Он изучил дело глубже, чем я рассчитывала. Но название алгоритма — ещё не мой пароль. Я цеп-

ляюсь за эту разницу, пока он смотрит на меня так, будто уже вскрыл архив. Он уже был внутри серверов или работал с подобными схемами раньше. Я стою на краю пропасти, и он смотрит вниз, ожидая, когда я сорвусь.

3:12... 3:11...

К нам подходит официант. Молодой парень с нервным тиком. Он кладет счет на край стола. Но вместо чека я вижу визитку. Плотная бумага, черный фон, серебристый логотип охранного агентства «Щит». Агентство, которое официально нанимает Вера.

«Мы знаем, что ты здесь», — читается между строк. Атмосфера меняется мгновенно. Люди вокруг косятся на нас. Мужчина у бара убирает телефон. Пара у входа переглядывается. Ощущение ловушки становится осязаемым. Я уже не могу смотреть на входящих как на обычных посетителей. Каждый, кто задерживается у двери, кажется следующим человеком Веры.

Я хочу встать. Ноги готовы рвануть к выходу. Страх физической расправы парализует волю.

Но Илья не двигается.

Его рука ложится поверх моей на столе. Теплая, сухая, сильная. Жест собственнический, властный. Он сжимает мои пальцы так, что кости хрустят. Это успокаивает и пугает одновременно.

— Сиди, — шепчет он, не разрывая зрительного контакта. Его губы почти не шевелятся. — Если ты встанешь, они

решат, что мы сдались. Мы играем в открытую. Пусть видят, что мы не боимся их теней.

Я пытаюсь освободить руку, дергая ее назад.

— Отпусти! Ты используешь меня как приманку!

Илья отпускает мои пальцы медленно, словно делая одолжение. Затем он расстегивает куртку. Под ней — не рубашка, а черная ткань бронежилета. И револьвер. Тяжелый, матовый, опасный. Он кладет оружие на стол рядом с таймером.

Звук металла о дерево глухой, финальный.

Я смотрю на револьвер. Мир вокруг теряет цвет. Это не гражданский спор. Это война. Страх перед Марком меркнет, растворяясь в ужасе перед Ильей. Я боюсь даже повернуть чашку, чтобы не задеть оружие. Илья принёс его на встречу со мной. Значит, ждал здесь чего-то гораздо хуже торга за флешку.

Таймер показывает 0:15.

Илья собирается встать. Его мышца напрягается под тканью. Он уходит. Он оставляет меня одну с угрозой, с полицией на пороге и с Верой, которая улыбается в тени.

— Стой! — крик срывается с губ прежде, чем я успеваю подумать.

Он останавливается. Поворачивается.

Я соглашаюсь. На его условиях. Но добавляю своё.

— Я дам пароль. Я отдам файлы. Но я хочу видеть, как ты предъявляешь доказательства причастности Марка к отмыванию. Не просто получаешь деньги за информацию. Я хочу

справедливости.

Илья смотрит на меня долго. Секунды тянутся как резина. В его глазах мелькает что-то новое. Не цинизм. Не расчет. Боль. Старая, зажившая, но все еще ноющая.

Он садится обратно. Медленно.

— Моя цель — не деньги, Алиса. И не защита свидетелей. Моя цель — месть системе, которая сломала меня точно так же, как сломала тебя. Когда-то давно.

Мне хочется поверить ему именно сейчас — после оружия на столе, таймера и угрозы уйти. Месть я понимаю лучше, чем обещание защитить. Если у него тоже есть что отнять у Марка, значит, я нужна ему дольше, чем на одну передачу файлов. На этой мысли и держусь.

Дождь за окном усиливается, смывая город в серую кашу. Внутри кафе царит мертвая тишина. Илья протягивает мне чистый лист бумаги и ручку. Его пальцы длинные, сильные, с коротко стриженными ногтями.

— Напиши пароль от архива, — говорит он тихо. — Прямо сейчас. А я напишу заявление о снятии обвинений.

Он смотрит на меня внимательно, ожидая ответа. В его взгляде нет жалости. Только вызов.

— Кто первый?

Глава 6

Кухня тети Лены пахла перегаром от вареной свеклы и чем-то еще — сладковатым, удушающим, как гнилые яблоки в компоте. Я сидела на табурете с выщербленным краем, чувствуя, как холодное дерево впивается в бедра через тонкую ткань домашней футболки. Передо мной стояла тарелка борща. Жирный, оранжевый слой масла застыл на поверхности, превратившись в пленку. Я смотрела на застывший жир и знала: стоит поднести ложку ко рту, меня вырвет.

— Ешь, Алиска, — голос тети был мягким, липким от жалости. Она поправляла мне волосы, будто я пятилетняя девочка, а не взрослая женщина, которую недавно выставили из офиса в наручниках. — Тебе силы нужны. Худая ты стала, как скелет в шкафу.

Меня замутило. Не от голода, а от этого тона «бедная девочка». От ощущения, что меня хотят починить, засунуть обратно в коробку «порядочной жены», где всё правильно, если просто молча есть суп.

— Я не хочу, — сказала я. Голос дрогнул, но я стиснула челюсти так, что заныли зубы. — Мне нужен интернет. И тишина. Убери это.

Тетя Лена вздохнула, шумно, всем телом. В ее глазах мелькнуло раздражение. Она видела во мне не жертву обстоятельств, а капризного ребенка, который ломает ей планы на

«спасение блудной дочери». Она забрала тарелку, хлопнув ею о стол. Звук был оглушительным в пустоте дома.

Ночь пришла не сразу. Сначала были часы, которые тянулись, как резиновые ленты. Я лежала в детской кроватке с коваными спинками, которая скрипела при каждом вдохе. Страх не отпускал. Он жил в теле: в судорогах мышц, в сухости губ, в том, как сердце билось где-то в горле, а не в груди. Во сне я снова была в изоляторе. Бетонные стены давили на виски, а звук шагов конвоира эхом разносился по коридору.

Я проснулась от собственного стука зубов. Так сильно, что казалось, череп сейчас треснет. Дрожа всем телом, я выскользнула из кровати. Босые ноги обожгли ледяной пол. Выйдя во двор, я увидела баню. Окна темнели, как закрытые глаза мертвеца. Внутри было холодно, сыро и пахло плесенью. Но там была вода. Ведро с ледяной колодезной водой стояло у порога.

Я схватила ведро. Холод ударил по коже, как электрический ток. Боль была острой, чистой, честной. Она вытеснила панику. Я выплеснула воду на плечи и шею. Губы посинели, кожа покрылась мурашками, но дрожь ушла. Осталась только ясность. Боль заменяла страх. Я стояла посреди двора, мокрая до нитки, дыша паром, который шёл изо рта, и понимала: я жива. Пока я чувствую боль, я не сломана.

Утро началось с абсурда. На крыльцо пришел соседский мальчишка, лет десяти, в растянутом тренике. В руках он держал смартфон, экран которого светился синим.

— Тетя, играем? — спросил он, показывая на игрушку с персонажами.

Мое сердце пропустило удар. Любой цифровой след опасен. Любая фотография, любой геолокационный тег мог привести Марка сюда. К этому дому. К этой флешке в моем кармане.

Резкость действия удивила даже меня. Я рванулась к нему, выхватила телефон из его рук раньше, чем он успел вскрикнуть. Мальчик замер, глядя на меня расширенными глазами.

— Не трогай меня, — прошипела я.

И разбила аппарат о камень на ступенях. Экран треснул. Мальчик попятился, потом заплакал и побежал к калитке.

— Я же только играть... — донеслось оттуда.

Я смотрела на осколки и чувствовала холодное удовлетворение: больше он меня не снимет. Он даже не собирался снимать — показывал игру. Этого я себе сейчас не объясняла.

В ванной комнате над раковиной висело мутное зеркало. Оно искажало лицо, делая его серым, опухшим. Синяки под глазами, отекшие щеки, длинные, спутанные волосы, которые теперь казались частью костюма жертвы. Идеальная жена юриста. Та, кого легко узнают по соцсетям. Та, на которую можно навесить ярлык «мошенница» и растоптать.

Я взяла ножницы. Они были тупыми, ржавыми от времени. Первая прядь упала в раковину. Потом вторая. Коротко. Неровно. Волосы кололись, царапали шею, падали на пле-

чи. Я смотрела на свое отражение и видела не красавицу, не жертву. Я видела призрак. Человек без прошлого. Неузнаваемый для тех, кто ищет «Алису, жену Марка».

— Ты чего натворила? — тетя Лена появилась в дверях, ахнув.

— Так лучше, — ответила я, смывая волосы из раковины.

Она покачала головой, но не стала спорить. Однако позже, когда я искала зарядку (которой не было), она достала старую папку с документами своего покойного мужа-строителя. Из нее выпал список должников. Там было имя. «Марк». Просто имя, без фамилии, но в контексте строительных подрядов Псковской области это могло быть совпадением, а могло быть связью.

— А этот кто? — спросила она, тыкая пальцем в бумагу.

Паника поднялась волной. Если здесь есть хоть какая-то связь с прошлой жизнью Марка, этот дом не безопасен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.